

love_sf

Агата
Грин
309730
<https://coollib.net/a/175405>

Горничная особых кровей [СИ]

Чужакам, которые покупают титулы, у нас не место! Так думали все, глядя на нашего
нового владельца — непристойно наглого и неприлично богатого. А мне было
все равно,
пока мое имя не появилось в списке невест, а владелец не покусился на мою
свободу. Что
делать? Быть самой собой. Гнусный узурпатор скоро поймет, с кем связался!

ru

calibre 2.43.0, FictionBook Editor Release 2.6.6
20.9.2018
<https://www.litlib.net>
F25FD375-ABEF-4298-9800-0528C2F0FE3E
1.1

v 1.1: форматирование калибратины, скрипты - Миррима

Горничная особых кровей
Агата Грин

Роман связан с дилогией “Курсантка с фермы” но может читаться... и как
самостоятельное
произведение. Порядок чтения книг:

1. Курсантка с фермы. Адаптация к хитрости.

2. Курсантка с фермы. Имитация любви.

3. Горничная особых кровей.

▲ Будущее. Люди бороздят космические просторы, сотрудничают с другими расами,

путешествуют по галактикам и состоят в Союзе, в который входят старшие расы людей –

развитые (центавриане, лирианцы) и развивающиеся младшие (земляне, орионцы, апранцы,

веганцы). Представители старших рас владеют психокинезом (или – “эо”), являются

телепатами, эмпатами, могут левитировать и т. д. Младшие расы эо только развивают.

Главным врагом Союза считается агрессивная раса рептилоидов – практически неуязвимых существ, впадающих время от времени в спячку (поэтому их называют еще

“спящими”).

Действие романа разворачивается на закрытой планете Энгор, которая не состоит в Союзе.

Энгор населяют потомки лирианцев и землян.

Глава 1

– Владелец получил протесты, изучил, и остался при своем мнении, – безучастно объявил

инспектор. – Дома будет снесены, а территория закрыта.

Каждая встреча с инспектором заканчивалась скандалом – это стало уже недоброй традицией.

А сегодня из толпы недовольных не раздалось ни единого слова упрека. Последние упрямы

вышли из кабинета, чтобы получить компенсацию.

Только сухонькая старушка осталась. Подозрительно знакомая старушка...

Элеонора?! Снова сбежала! Пора бить тревогу.

Я быстро сообщила охране, куда звонить и кого вызывать, а сама подошла к бывшей соседке.

Может, сегодня удастся обойтись без криков и крушения мебели.

– Что же это делается-то? – проговорила Элеонора беспомощно. – Как же так?

Столько лет

жила, дом родной... а вы – сносить... Звезды вас накажут.

– Не нужно драматизировать, сударыня, – молвил значительно инспектор. – Дома ветхие –

того и гляди, развалятся. Не могу понять вашего недовольства: компенсация покрывает расходы

на покупку лучшего жилья.

– Вам просто нужна земля, на которой стоит мой дом, – робко проговорила пожилая женщина.

– Владетелю нужна, сударыня. Владетелю.

– Какой же он владетель? Он не знает нашу землю, он не рос на Энгоре! Пустили чужака...

Инспектор поджал губы, а его помощник высокомерно бросил:

– Сударыня, мы сделаем вид, что ничего не слышали.

– Так вы всегда глухи! Слух у вас появляется, только когда дело касается взяток.

– Мне это начинает надоедать. Я не намерен выслушивать оскорбления!
«Хоть бы пронесло», – подумала я, и осторожно взяла бывшую соседку под руку. Она разволновалась, покраснелась, по пока что еще была в себе. Надо только успеть довести ее до больницы.

– Ну, вот и все, – горестно протянула женщина. – Выжили нас. Не ожидала я такого от владельницы Элайзы..

– Бывшей владельницы.

В коридоре появились центавриане. Высокие. Идеальные. Чужие. Со стороны казалось, что это не люди, а андроиды, причем из одной партии. Они несколько месяцев терлись на нашей земле, вынюхивали, вызнавали секреты. И вот, случилось страшное: владельница, или, по старинке, княгиня, продала титул центавриану. Первым же его приказом было снести дома близ заповедных земель. Он даже не скрывал намерений – сказал, что на их месте будет оборудована фабрика по выращиванию кристаллов эо-ши, накопителей энергии. Нас, жителей этих самых земель, никто не спрашивал – согласны, или нет. Слово владельца – закон. Вот только будь это настоящий владелец, заслуживший право на землю, никто бы не возражал. Но подчиняться приказу чужака, купившего титул – это уже слишком. Это даже не пощечина нашим устоям, а пинок.

Я покосилась на старушку – ее глаза остекленели. Она всегда так подвисает перед тем, как из миролюбивой женщины превратиться в мегеру.

– Эй! – крикнула тетя Нора.

Охранник медленно и осторожно пошел к женщине. Так подходят к дикому зверю, непредсказуемому в своей ярости.

– Не тебя звала, увалень! Отойди!

– Теть Нор, успокойтесь, пож..

– Цыц! – перед моим носом появился кулак. – Молчи, когда старшие говорят!

Охранник попытался загородить центавриан от бабули, но она поднялась на носочках, и помахала рукой:

– Центы! Да-да, вы!

Один из них обернулся, а двое других замерли как два изваяния.

– У вас к нам дело, гражданка?

– Гражданик здесь отродясь не водилось, – залепила тетя Нора. – Зарубите это себе на носу!

Планета Энгор не состоит в Союзе людей. А дела с такими, как вы, не вела и вести не буду. Я хочу сказать, то, что остальные говорить боятся: ваш хозяин – узурпатор! Центавриан даже бровью не повел. Правду про них говорят: у них не кровь, а вода. Холодная вода. Наверное, потому они всегда отмороженные.

– Узурпатор – тот, кто захватил власть насильственным путем. Владелец же приобрел права на землю по договоренности.

– Ха! – на весь коридор крикнула старушка.

– Если вы недовольны владельцем, можете вызвать его на поединок и оспорить его

право

владения, — добавил цент.

— А вот и вызову!

Мужчина дернул уголками губ. Это показалось ему смешным.

— Чего кривишься, клонированный? Думаешь, я такого, как ты, не одолею?

— Что вы стоите? Уведите женщину! — сердито крикнула я еще двоим молодцам из охраны.

Стоят, обалдуи, смотрят! Тут действовать нужно!

Инициатива наказуема: я схлопотала затрещину от тети Норы. Она бы еще меня побила, да цент

ее отвлек:

— У вас все? — спросил он. К счастью, до его отмороженного мозга дошло, что Нора не в себе,

и он не стал заявлять об оскорблении чести и достоинства, а также требовать извинений.

— Я все сказала!

Цент вернулся к своим, брезгливо скривив губы. Неприятно ему смотреть на старость и

безумие... Центавриане-то даже в семьсот лет выглядят на тридцать, их расе неведомы болезни

и старение. Лирианцы считаются первой человеческой расой во всем, но последнее время

центавриане упрямо стараются столкнуть их на второе место.

Я приготовилась к брани, воплям и проклятиям, но буйная часть личности Элеоноры уже ушла,

получив желаемое, и старушка пришла в себя. Элеонора посмотрела на охрану, на меня.

— Я буянила?

— Чуть-чуть...

— Я тебя снова побила, Региночка?

— Нет, — я улыбнулась, подавляя желание потереть место, куда пришлась затрещина. Нам сообщили, что за старушкой уже отправились из больницы. Я усадила Элеонору на

диванчик, кто-то сердобольный принес стакан воды. Пока санитары не приехали, мы так и

сидели. Вспышка ярости не запечатлелась в памяти Элеоноры, поэтому она продолжала

вздыхать и боязливо ругать новую власть:

— ...Раньше владения на Энгоре давались только за героические поступки. Нынешние владельцы соседних владений получили титул, выиграв в поединке. И вот, впервые титул

▲владельца был продан чужаку. Продан! Чужаку! — Элеонора покачала головой. — Какой

позор...

— Бывшая владетельница решила продать нас, а мы клялись принимать любое ее решение, —

сказала я. — Таковы наши законы.

— Она предала нас, продала землю.

Я кивнула, хотя не видела в этом такой уж трагедии. Но я-то молода, мне легко приспособиться.

Уеду из Дарна, и дело с концом.

Женщина как будто услышала мои мысли.

— Не смей уезжать. Слышишь?

— Э-э...

– Регина Жарковская! Если вы уедете, я стану очень плохо про вас думать!

– Не уеду, – успокоила я ее, чтобы она вновь не стала Норой.

– Скоро сменится владетель, скоро. Я верю в это! Так что не уезжай, Региночка. Матушка твоя

мечтала, что ты пройдешь Отбор, как положено девице из твоего рода. Только не выбирай

психокинетика. Умирают они рано...

– Да, тетя Элеонора.

– Матушка твоя хорошей была женщиной. Не занималась бы психокинезом – жила бы еще.

Батюшка твой тоже из-за этого умер. А я предупреждала, всех предупреждала – не пользуйтесь эо. И сыну говорила... – печально проговорила старушка.

– Не слушал, упрямец... Где-то он сейчас? Почему не возвращается?

Санитары зашли в центр.

Элеонора вздохнула и поднялась с диванчика. Сопrotивления женщина не оказала – сама

пошла, куда следует. Я проводила ее до вместительного кара. Усевшись на сиденье, Элеонора

мягко мне улыбнулась.

Я улыбнулась тоже, хотя на душе кошки скребли.

У нас обеих умерли родные – кто в войнах со спящими, кто в эо-поединках, кто от изнурительных занятий психокинезом. Я давно уже привыкла к мысли, что не могу иметь

детей, а потому наш род обречен, а Элеонора не смогла принять смерть единственного сына и

гибель рода. Заявила, что он жив, и когда-нибудь вернется... Но мертвые не возвращаются.

Возможно, от осознания этого бедная женщина и свихнулась.

Я постояла еще немного на улице и вернулась в центр, чтобы закончить свои дела.

Как раз и

очередь к нужному мне окошку подошла. Я поднесла руку с идентификационным браслетом к

устройству считывания, и девушка за стеклом произнесла:

– Т-а-ак, Жарковская... Запрос на смену владения... Отказ.

– Как отказ? Посмотрите еще!

– По запросу на смену владения у вас отказ, – медленно и четко проговорила девушка. –

Если сомневаетесь, давайте еще раз проверим. Регина Жарковская. Эо-одаренная. Место

рождения – Веронийское владение. Была смена владения в...

– Да-да, все верно!

– У вас отказ.

Пока я переваривала новость, услужливая работница центра нашла причину.

– О! Так вы в списке!

– В каком еще списке?

– Как в каком? В списке невест на весенний Отбор.

– Сударыня, – снисходительно произнесла я. – Это точно ошибка. Я не записывалась.

– А теперь не нужно записываться. По указу нового владетеля в Отборе участвуют все эо-

одаренные женщины Дарна от двадцати до семидесяти лет.

– А отказаться я могу?

– Да, на первом этапе состязаний.

– А раньше?

– К сожалению, до начала Отбора покинуть владение вы не сможете.

– Понятно. Спасибо, – я отошла от кабинки.

Ох уж эти центавриане! Приехали и поставили тут все с ног на голову. Дома сносят, в список невест заносят, выезжать запрещают... Придется еще месяц торчать в Дарне, менять все планы.

А я ведь с управляющей разругалась! Она-то месяц ждать не будет, и выставит меня с работы, не пожалеет. Хорошенькое положение дел...

♣«Зато у меня есть аэрокар», – подумала, и все проблемы сразу показались пустяками. Может, полетать сегодня?

– Внимание! Неблагоприятные погодные условия. Для оптимальной работы систем выберите режим «Зима».

– Зима, – хмыкнула я, и ткнула пальцем по экрану, принимая изменения режима. – Еще чуть-чуть и весна начнется.

Системы мне не ответили. Я посмотрела на панель управления. Все нужные индикаторы горели зеленым: красота. Аэрокар тихо жужжал в полете. Все идет хорошо, но волнение все равно съедает. Это мой третий самостоятельный полет без инструктора, ограничителей набора высоты и скорости. А еще – без разрешения на пересечение владений.

Хорошо, что у особняка владельницы собственная аэро-площадка. Ник, шофер владельницы, настаивал, что я перестану бояться, только когда пару-тройку раз полетаю на приличной высоте. Одна, без подсказок обучающей программы.

Неожиданно машина загудела, зеленая гармония индикаторов на панели сменилась желтым беспорядочным миганием.

Ничто не могло напугать меня больше!

Сначала кар занесло влево – при этом ремни безопасности чуть не выдавили весь воздух из моей грудной клетки – а потом машина ухнула вниз.

Индикаторы замигали красным-опасным.

Я наклонилась, отжала кнопку автопилота. Быстро схватилась за ручку управления и надавила на педаль, чтобы выровняться.

Почему-то не сработало. Кар продолжал падать, а я продолжала паниковать, оттягивая ручку.

Что-то царапнуло корпус...

Понимая, что это конец, я закрыла глаза и истерически, от души, завопила.

Удар, треск. Очень много треска. Темнота.

Сначала я обрадовалась, что жива, а потом ужаснулась. Поглотил меня Черная дыра!

Я выложила за этот кар большую часть компенсацию, которую выручила за дом! А остатки потратила на аренду гаража в аэроклубе Иринве, техобслуживание на три месяца, общагу в том же аэроклубе и взносы. Что же это получается? Все впустую?

Я бездомный нищевод!

Живой бездомный нищевод.

Живой. Это главное.

Пошевелившись, я поняла, что легко отделалась. Переломов явно нет, тошноты и звона в голове

тоже. Плюс того, что среди моих предков старшие. Отстегнувшись, я подползла по полу к своей

сумке и вытащила оттуда старенький фонарик. Слава Звездам, он работает!

Кар сел почти прямо. Кое-какие безделушки разлетелись по салону, но в остальном ничего

критического. Может быть, удастся отремонтировать кар? Может, пострадал только корпус, и

не сильно?

Я медленно поднялась, подняла свой пуховик с пола, надела. Поглядела скептически на свои

ботинки. Для прогулок по снегу они не подходят, но выбирать не приходится.

Покопавшись под сиденьем, я вытащила ракетницу и ткнула на кнопку, чтобы открылась

дверца. Дверца не открылась.

Придется вручную. Ухватившись за ручку, я потянула... бесполезно. То ли дверь повредилась

при немягкой посадке, то ли я сегодня утром мало каши ела.

А вот люк над пассажирскими сиденьями открылся. Закряхтев, я подтянулась, вылезла. С утра

редкими пушистыми комьями шел снег, но к вечеру ветер усилился, и снега повалило больше.

Я осторожно скатилась с корпуса и прыгнула в снег, зажимая в одной руке фонарик и

ракетницу. Света от фонарика маловато, чтобы сориентироваться, но мне и фонарик не нужен,

чтобы понять, где я.

Дарнское владение, сосновый лес, зона деструкции. Зона, где сбоят любая техника. Вот почему

все системы моего новехонького кара полетели.

Глупо надеяться, что здесь передатчик поймает связь. Порыв ветра набросился сзади, чуть не

повалил. Я съежилась и задрожала. Вроде бы температура для этой местности смешная, а

пробрало до костей.

— Звезды, — торжественно обратилась я к далеким светилам, — отправьте прекрасного принца

мне на спасение.

▲Ракетница не выстрелила. Видимо, светилам мой запрос показался слишком наглым.

— Ладно, пусть будет не принц, не прекрасный. Я согласна на кого угодно!

Уф-ф-ф... Получилось. Над верхушками сосен распустился цветок света, завис ярким пятном.

Была бы ясная погода, он был бы хорошо виден за много километров, но для меня и так сойдет.

Ник скоро поймет, что со мной беда и отправит помощь.

Вот только как бы помощь сама в зону деструкции не залетела... как же их предупредить?

А никак. Остается только надеяться на чудо.

Я оттоптала перед каром большой крест в круге, обозначающий зону деструкции.

Снег

довольно скоро завалил мое художество, и я оттоптала круг снова. Еще раз использовала

ракетницу — рядом с померкшим цветком на небе распустился более яркий.
У меня промокли ноги, кончики пальцев онемели, и я начала приплясывать на месте, чтобы согреться. Задирая голову, я топтала круг. Снег лез в глаза, ветер вымораживал. Нужно зайти в кар погреться. Поломанные ветки сосен и покореженный кар скажут сами за себя. А я, если продолжу наворачивать круги, околею до того, как явятся спасатели.
В каре стало не намного теплее, чем снаружи. Закрыв люк, я сгребла налетевший снег в угол, достала мягкую подстилку под сиденья, и укуталась в нее. Вот так гораздо лучше. Ни ветра, ни снега... И ногам теплее. Я зевнула, и поставила себе задачу через полчаса выйти и проверить, не «завяли» ли цветы на небе. А пока можно погреться, подремать...
— ...Просыпайтесь, барышня.
Вкрадчивый шепот вкрался в мое сознание. Я открыла глаза. На меня таращился тип в комбезе.
У типа были густые рыжевато-золотистые кудри, и круглые, большие глаза с медового цвета радужками. Маленькие рот и нос убедили меня в том, что этот человек — асланец, представитель пятой человеческой расы.
— Вам повезло, что мы рядом охотились. Увидели вашу сигналку. Где ваш идентификационный браслет?
Я не надела браслет, чтобы не пришлось синхронизироваться с системами кара, и чтобы потом не влетел штраф за нарушение границ владения. По этой же причине о моем крушении не стало известно в службе контроля зоны.
— Я вам так благодарна, сударь, — трепетно промолвила я, надеясь, что он забудет про свои вопросы. — Не каждый пошел бы зимой, ночью, в зону, спасти кого-то.
— Ради вас я б и против рептилоидов пошел.
Я бы напряглась, но интуиция подсказала мне, что асланец флиртует больше по привычке, чем по охоте. Поэтому, улыбнувшись,хватила сумку и начала вылезать. Спасатель, хоть и называл меня «барышней», беззастенчиво ухватил за ягодицы, подсаживая к люку. Я вылезла торопливо, скатилась по корпусу, спрыгнула в снег.
У кара стояли еще двое мужчин, тоже в комбезах. Оба высокие, куда выше асланца, и широкоплечие. Я не смогла с ходу определить их расу. Один крупный, черноволосый, смуглый, с грубым выразительным лицом. Другой — худощавый, светловолосый, с необычайно бледной кожей и надменными чертами.
Они молча меня изучали. Я молча изучала их.
Тягостное молчание прервал асланец:
— Скажите, почему не носите идентификационный браслет?
— Оставила дома.
— Что так?
— Сломался.
— Не знал, что браслеты ломаются. А не угонщица ли вы, милая барышня?

– Кар мой! – запальчиво воскликнула я и сразу же сникла: – Был...

При этом я покосилась на молчащих незнакомцев – темного и светлого. Темный смотрел на меня уже без подозрения, зато с сочувствием, а вот светлый смотрел пристально, и даже не на меня, а поверх моей головы. Психокинетик, изучает мою энергетику.

– А живете вы где? – продолжил допрос апранец.

– В Ферисголде.

– По-русски хорошо говорите, ладно, – задумчиво протянул «темный».

– Хорошая девка, – осклабился круглоглазый.

– Девка ли?

▲– Барышня, разрешите наши сомнения, – обратился ко мне «светлый». – Как к вам обращаться?

– Барышня – сойдет.

Мужчины переглянулись. Кажется, Звезды все-таки выполнили мое пожелание и послали спасать меня не одного принца, а сразу троих. Поэтому они так и выспрашивают, обычная ли я, или из знати. Про себя я выдохнула: раз не уверены, кто я, приставать не станут.

– Мне очень жаль, но аэрокар уже никуда не годен. Даже если его починить, в любой момент может сказаться пребывание в зоне деструкции. Пользование такой машиной – неоправданный риск. Кар теперь только в карантин, – сообщил «темный».

– Придется вам забыть о нем.

– Придется, – ответила я уныло. До конца я еще не верила, что у меня больше нет кара. – Можно я с ним попрощаюсь?

Все трое улыбнулись. Смешно им! А у меня сердце разрывается. Я подошла к аэрокару, провела по нему ладонью.

Красавчик мой ... погиб совсем молодым. Три раза полетал и упал, бедняга, из-за коварной зоны деструкции. Она расползалась все дальше и дальше, захватила и участок, где раньше было безопасно.

– Это всего лишь железка, набитая электроникой. Не убивайтесь так, – подошел ко мне «темный».

– Знали бы вы, сколько денег я на эту железку потратила!

– Деньги тоже пустяк. Все поправимо. Радуйтесь, что мы были поблизости. Заберите личные вещи из кара – лучше скорее покинуть зону.

– А что аэрокар? – спросила я, отлично зная ответ. – Так и останется здесь?

– Его вывезут ребята из службы контроля. Проверят, и дадут вам знать – можно ли будет забрать на металлолом.

Я снова залезла внутрь, забрала сумку, и вылезла. Затем, еще разок поглядев на своего павшего красавчика, пошла за мужчинами. По пути мое настроение скакало от отметки «все хорошо» до «все плохо». Плохо, потому что упала в зону деструкции, и хорошо – потому что осталась жива, и меня так скоро нашли.

Так, во власти плохо-хороших мыслей, я шла и не замечала, что ветер «сдул» капюшон с

головы, и что снег из сугробов заваливается в ботинки.

– Барышня, вы не замерзли? – обратился ко мне «темный».

– Что? – я очнулась, передернула плечами и накинула капюшон. – Простите, не расслышала.

– Вы устали? Замерзли?

– Нет.

– Если устанете – только скажите.

С чего бы эта такая любезность? И почему они так упорно зовут меня барышней?

Приняли за

светлейшую? Наверное, дорогой аэрокар и отсутствие идентификационного браслета (знать их

не носит) подтолкнули их к этой мысли.

– А что вы делаете в зоне деструкции? – спросила я, держась ближе к «темному» – он мне

внушал больше доверия, чем остальные.

– Мы были неподалеку. Остановились зарядить аккумулятор в ближайшей деревеньке. Заметили ваши сигналы.

– Может быть, вы сообщите нам свое имя, барышня? – спросил «светлый».

– Сначала вы представьтесь. Или мы сегодня все безымянные?

Господа выдали порцию сдержанного приятного смеха. Знай они, что я обычная девка, так

ржали бы, наверное, как кони, не стесняясь, и не миндальничали бы. Это в лучшем случае.

Далеко впереди показались огоньки – это деревня. Пройдя чуть дальше, мы вышли к маленькому домику; за домиком стояли снегоходы, укрытые какой-то блестящей тканью. Из

домика вышел местный мужик, покосился на светлейших боязливо, сжался весь, подогнулся.

Как бы на колени не бухнулся.

– Возвращаемся через час, – повелительно бросил «светлый». – Оборудование все еще

сбоит?

Мужик виновато кивнул.

– Подождем еще. А я отвезу девушку в город, – бледный обернулся и сделал шаг ко мне.

▲Понятия не имею, отчего я струхнула и попятилась назад. Это была произвольная реакция,

тело среагировало прежде, чем я успела понять, как оскорбительно это выглядит.

Мучительно долгое мгновение «светлый» буравил меня голубыми глазами, в потом повернулся

к приятелям:

– Господа, решайте, кто отвезет девушку в город.

– Я, – вызвался «темный».

– Почему сразу ты? – возмутился апранец, и посмотрел на меня, откровенно заигрывая. – С

кем хотите ехать?

– Не имеет значения, – сказала я.

– Тогда езжайте со мной. Ух, как я вас покатаю!

«Если поймет, что я не светлейшая, завалит прямо на снегу, – подумала я. – Спасибо за

благородных принцев, Звезды». К счастью, мужчины дальше разбираться не стали: «темный»

просто уселся на снегоход, сдернув с него блестящую ткань. Я присела сзади. Двигатель завелся не сразу, но все же завелся, несмотря на опасную близость к зоне. Снегоход легко «пошел» по снегу.

– Осторожнее! Не заплутайте... – дали нам напутствие.

Поехали мы довольно медленно, зато шансов заблудиться у нас не было – мы двигались прямо

по колее, оставленной ранее снегоходами.

– Держитесь крепче, пойдем быстрее, – обернулся ко мне мужчина.

Как можно гнать на такой скорости, когда в лицо бьют ветер и снег? Хотя, какая разница? О

другом нужно думать. Мой дом снесут, денег нет, аэрокар разбит... Еще и задницу отсидела на сиденье.

Показались дома, кое-какие строения служб контроля и аэро-площадка. На площадке стоял

черный аэрокар; при нашем приближении из него вышел шофер-водитель-пилот. Его, слава

Звездам, раболепие к земле не клонило.

– Доставь девушку в Ферисголд, – дал ему приказ «темный», и обернулся ко мне.

Смотрел он

по-доброму, с интересом. И я вдруг поняла, что он знает – никакая я не барышня.

– Не

расстраивайтесь из-за аэрокара. Все у вас наладится, с вашим-то везением.

– Будь я везучей, не попала бы в зону.

– А будь вы невезучей, погибли вы. Или – вас бы никто не нашел. Так что не унывайте.

Нужно было поблагодарить человека за спасение, и хотя бы улыбнуться, но я никогда не умела

притворяться. Самое большее, на что я была способна – это вяло выдавить:

– Спасибо, что спасли.

– Мы сами сообщим о произошедшем в службу контроля. Об этом не беспокойтесь.

– Ага, – жалко ответила я. А ведь только радоваться начала, что жизнь налаживается, и на

тебе – лишилась аэрокара.

– Плакать будете? Если так, то скорее залезайте в аэрокар от меня подальше. Я очень

сентиментальный, вместе с вами рыдать начну.

– Ас виду и не скажешь.

– Здоровяки тоже плачут, барышня. И еще как. – Он пригляделся ко мне внимательнее. – Вы

сильно замерзли. Залезайте уже.

Я поглядела на кар.

– Мой был лучше.

– Зато в этом тепло. Залезайте, а то совсем околеченете. И удачи вам.

– Удача – чепуха, лучше пожелайте денег.

Здоровяк рассмеялся, а я шмыгнула в нагретый салон.

Полет продлился недолго – я только успела смежить веки и пригреться, как аэрокар уже

опустился на аэро-площадку.

Поблагодарив туманно «за все», я вылезла в ночь и снежную слякоть, и пошлепала к обычным,

наземным карам. За поездку к особняку владельницы Дарнской – там я служила горничной

– с меня содрали втридорога. Ночной тариф, чтоб их...
Я что-то наплела охране, прошла через черный ход. Несмотря на поздний вечер, прислуга еще
сновала по коридорам. Вслед мне неслось: «Налеталась, Регинка?», «Тебя Гримми искала!».

Уставшая, замерзшая и попросту отупевшая от событий я кое-как отмахивалась от расспросов и
на «автопилоте» кралась по коридору к женской спальне. Еще чуть-чуть и...
▲Управляющая выступила вперед. Несмотря на поздний час, она ничуть не выглядела сонной.
Красивая, в общем-то, женщина, но мало кто замечает это. Слишком мало улыбок и слишком
много ругани ни одну даму не красят. Имя управляющей тоже красивое – Лилиан, но все зовут
ее по фамилии – Гримми, или, за глаза, Ведьмой.
– Что ты здесь делаешь, Жарковская?
– Работаю.
– Да-а? Не работаешь, а отработываешь последние дни. И плохо, как я погляжу. Где ты
шлялась? Почему опоздала на смену? Ванессе пришлось за тебя отдуваться.
– Аэрокар в зону рухнул. Пока ждала спасение, пока то, пока се.
– Как же ты меня достала, Жарковская, – с чувством выговорила управляющая. – С этим
твоим враньем, опозданиями... с этими твоими штучками. Я освобождаю тебя от отработки.
Завтра чтобы с утра собрала вещи и покинула особняк.
– Гримми, уважаемая, я не могу так! Помните, я раздавила робота и не заплатила? А мои
опоздания? Я лучше все-таки останусь и отработаю. Чтобы совесть молчала.
– Уважаемая? – елейно протянула Гримми. – А что же не «ведьма»? Что не «гримза»? Мне
даже не привычно.
– Я тогда на эмоциях была. Разве можно обижаться на людей в таком состоянии? Да и вы
неласково меня называли. Кто старое помянет, тому глаз вон... Да? Мы взрослые умные
женщины, зачем ссориться?
– Идти некуда? Деньги нужны? – сразу просекла Ведьма и злорадно усмехнулась.
Мы с ней со дня знакомства цапаемся, как кошка с собакой. Я всегда ищу повод поддразнить
Гримми, а она всеми силами пытается выставить меня вон. Но сегодня мне нужно быть
покладистее. Я призналась:
– Да, некуда. Да, нужны.
Управляющая оценила мой жалкий вид и смиростивилась:
– Так тебе и надо. Ладно, работай пока. Но чуть что не так – вылетишь.
Развернувшись, она пошла по коридору, покачивая полными бедрами. Гримми никому не дает
спуска и штрафует по любому поводу. Удивительно, что она меня пожалела.
Пожалуй, мне действительно везет сегодня – и на плохое, и на хорошее.

Глава 2

Рано утром, сразу после душа, я украдкой позвонила в службу контроля зоны. Да, о крушении уже известно. Да, сегодня кар заберут. Да, проверять машину будут примерно месяц.

Расстроенная, я пошла на кухню завтракать. Там за меня взялась прислуга, посыпались

вопросы: где кар, почему так поздно вчера прилетела?

Я сказала, что оставила аэрокар в сервисном центре в Ферисголде, обновлять прошивку. Не

могла же я признаться, что феерическая неудачница? Всем ведь уши прожужжала, что скоро

улету из Дарна на своем собственном аэрокаре.

Повар Гу косо на меня поглядел, словно что-то заподозрил, но в этот момент на кухню вихрем

влетела Маришка.

Раскрасневшаяся, возбужденная, она шлепнула ладонями по столу и выпалила:

– Той Ильмонг прилетел в Дарн! Представляете? Тот самый Ильмонг, который в фильме

«Звезда любви» снимался!

Молодняк Маришке не поверил, а старички не признавали новых кумиров Союза. Все продолжили завтракать, как ни в чем не бывало.

– Вы что? Я правду говорю! – обиделась горничная.

– Ильмонг, значит. Кудрявый такой? – уточнил Гу и усмехнулся. – Как же, знаем, знаем

этого черта.

– Да сам вы черт! – вспылила Маришка. – Той – звезда высокого статуса. Его даже в

Центаврианской Федерации привечают.

– Наверняка, прилетел его двойник. С технологиями Союза так легко менять внешность...

– Чушь! Настоящий Ильмонг прилетел!

♣Маришке все равно не спешили верить, зато начали любовно перемывать косточки артисту.

Чтобы отвлечься от своей «трагедии», я слушала про то, как Ильмонг «отбил» роль у

прославленного артиста-лирианца, как увел у центаврианского генерала любовницу, а потом

жену, а потом и вторую любовницу, как его импровизация на сцене произвела фурор...

В самый разгар обсуждения на кухню зашла Гримми. Безо всяких «Доброе утро», она объявила:

– Сегодня вечером владелица принимает в особняке важных гостей. Коллинз, пусть твои

парни расчистят снег, проверят гараж и отгонят, наконец, этот чертов экспериментальный кар!

А ты Гу, сотвори на ужин что-то простое, без изысков...

Гримми долго еще сыпала заданиями. Как обычно, она требовала во всем идеальности, а

времени давала мало. Мне досталось задание вымыть полы и стены на первом этаже, или, как

сейчас принято говорить – уровне. Зарядив роботов-уборщиков и заправив их чистящим

средством, я принялась за работу. После вчерашнего побаливали спина и руки,

поэтому мне
было тяжело наклоняться, чтобы программировать роботов вручную. А еще подчищать
за ними
в местах, где они пропустили мусор.

Всех роботов в особняке должна была контролировать управляющая система, но она
не
работала: сказывалась близость зоны деструкции. На Энгоре всегда со сложной
техникой были
проблемы.

С роботами я так вымоталась, что под вечер уже не могла разогнуть спину. Мечтая
поспать,
припелась на кухню, бухнулась на табурет. Гу, который уже закончил с ужином,
сделал мне
бутерброд. А у меня даже жевать сил не осталось. Работы много было, еще и весь
день из
службы контроля зоны названивали, уточняли всякие детали. Как я и думала, вряд
ли кар будет
подлежать восстановлению. Сказали через месяц-другой приходить с документами,
забирать то,
что можно.

– Умаялась, Регинка?

– Угу...

– Роботы не фурычат?

– Не-е.

– А раньше, – повар ударился в воспоминания, – у нас все хорошо работало. Даже
андроид
был, специализированный.

Мог троих человек заменить на кухне. А сейчас и свет сбоит. Может, новый
владелец с этим
разберется?

Я пожала плечами и подавилась. Гу от души треснул меня по спине, от этого удара
я чуть не
ударилась подбородком о стол.

– Выдохлась совсем. Слабые девки пошли, чахлые, – буркнул повар. – А вот раньше
у нас
такие бабы были – огонь! В зону ходили без страха, медведей умирляли.
Что-то заскрежетало, потом хлопнуло. Раздался звук удара.

Мы обернулись, и с удивлением заметив, что кто-то попытался активизировать давно
уже не
работающую автоматическую дверь. Послышалась затейливая брань, и чуть погодя
открылась

обычная дверь. В кухню вошел невысокий мужчина в очках и шляпе, и Гримми.
Незнакомец огляделся. Что-то в нем мне показалось знакомым. Когда он заговорил,
я узнала в
нем вчерашнего апанца. Он, и вправду он! Пора тихонько сползть с табурета и
двигаться в
направлении выхода.

– Да у вас тут полная анархия! – объявил апанец. – Ничего не работает! Как
выживаете,
красотуля?

– Извольте обращаться ко мне, как положено, сударь, – отчитала его Гримми.

– А как положено?

– Любой здравомыслящий человек перед посещением другой планеты и конкретной ее
области обязательно изучит, каковы там нормы поведения. А вы не изучили, судя по

всему. Это
я нахожу оскорбительным.
– Ух, как вы завернули. Как по учебнику прочитали.
Гримми сверкнула глазами:
– Это вам не помешало бы почитать о Дарне.
– Женщина, вы чего такая злая? – неприятно удивился незнакомец и обратился к Гу: –
Чего она злая?
– Голодная, наверное, – улыбаясь в бороду, ответил повар.
– Сударь, вы хотели посмотреть на блюда, так смотрите. Гу, покажи, что приготовили.
♠Я тихонько двигалась к выходу.
– Интересно, интересно. А это из птицы? Уберите, не люблю. Лучше рыбку. У вас тут хорошая рыбка?
– Да, сударь. Рыба у нас отменная. И птицу у нас готовить умеют, – помолчав, управляющая добавила: – У нас все умеют, в Дарне лодырей не бывает. Мы и без техники прекрасно справляемся.
– Слушайте, женщина, что вы такая злющая, в самом-то деле? Аж страшно становится. Вы всегда так гостей встречаете?
Гу не удержался и приснул. Апанец улыбнулся, показывая белейшие зубки, и танцующей походкой подошел ко мне. Не зря у него такие большие глаза – успел меня приметить.
Я отвернулась, якобы стесняясь.
– Так-так, это у нас кто?
– Горничная, – ответила Гримми.
– Пусть за ужином прислуживает. Она в моем вкусе.
– У нас так не принято!
– Чего у вас не принято, улыбаться? – с вызовом спросил апранец.
– Горничных нельзя... трогать! У нас мораль! – тоном оскорбленной невинности выдала Гримми.
– А у нас амораль, – хохотнул апранец. – Привыкайте. Ты, горничная, прислуживаешь сегодня за столом. Заметано?
– Нет! – отрезала наша ведьма.
– Ну, ладно, другую найду, – не очень-то расстроился мужчина. – Показывайте мне спальню. Ах, да – корм для понги у вас есть?
– Для кого?
– Ну, вы и мрак, – даже восхищенно выдохнул чудак. – Понги – это зверек шестипалый. А кошки есть?
– Да!
– Кошачий корм сойдет. Ну, води меня в спальню, сексуальная злючка! Только не приставай...
Гримми покраснела, но ничего не сказала, и вышла из кухни. Апанец пошел за ней. Только
они ушли, как я сорвалась с места и кинулась к окну. У гаражей стояли наземные кары, не
наши. По двору суетилась наша охрана и высокие люди в черных комбезах.

Центавриане. Вот они и добрались до особняка.

Гу подошел ко мне:

— Что не визжишь?

— А должна?

— Конечно! Сам Ильмонг тебя приметил.

Мои брови поползли вверх.

— Этот аפרанец — артист Той Ильмонг?

— Да, Регинка. Герой любовных драм. И в жизни тоже герой-любовник.

— Да чтоб тебя рептилоиды сожрали! Врешь?

— Не-а, — хитро улыбнулся повар. — Так что не хлопай ушами, Регинка. Окрути артиста —

небось, и женится.

— Обязательно, — пораженно вымолвила я.

Вечером случилось событие, потрясшее умы и гормоны женской спальни. Пятеро горничных

лениво готовились ко сну, когда дверь открылась, и нас посетила звезда. Сначала воцарилось

молчание, а потом кто-то экстатически непристойно ахнул. Я глянула на Маришку.

Так и есть,

она ахнула. Еще и плечиком дернула, чтобы бретелька сорочки сползла.

— Господин, — ошеломленно выдохнула немолодая Вигдис. Не знаю, случайность это, или

нет, но с ее плеча тоже сползла бретелька сорочки.

Я накрылась одеялом, и оставила маленькую щелочку, чтобы наблюдать.

Той Ильмонг ступил вперед, улыбаясь и позволяя собой любоваться. Смуглая кожа, огромные,

круглого разреза глаза медового цвета, миниатюрные нос и рот — для своей расы он невероятно красив. А для остальных человеческих рас — просто красив.

Интересно, что это он покачивается? Пьян?

— Сударь! — в спальню вслед за ним влетела раскрасневшаяся Гримми. — Сударь, немедленно

покиньте спальню!

♣— Подождите, я еще не успел никого совратить, — артист даже пьяным умудрялся говорить без запинки.

— Имейте уважение к дому, где вас приняли!

— А что я делаю, по-вашему? Проявляю уважение. Я, между прочим, пришел пожелать покойной ночи гражданкам... или, как там у вас принято говорить...

Гримми краснела и наливалась злостью, но ничего сделать не могла. Я наслаждалась ее

беспомощностью: это редкий момент. Но я единственная наблюдала за управляющей, все

остальные созерцали звезду.

— У меня проблема, — проговорил Той. — Я ужасно боюсь спать один. Представляете? Один в

постели я покрываюсь холодным потом. И кошмары снятся.

Артист прошелся к постели Маришки.

— Выручишь, золотко? Согреешь несчастного?

— Немедленно выйдите вон! — взорвалась Гримми и сжала руки в кулаки. — Иначе я вас... я

вас...

— Продолжайте, — мурлыкнул Той, — вы меня заинтриговали.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, не загляни к нам еще один гость. Я узнала в нем

темноволосого здоровяка, который довез меня до аэро-площадки. Здоровяк прорычал: – Ильмонг, что ты творишь?

– Ты хочешь к нам присоединиться, Ветров?

Ветров желал скорее отсоединиться. Точнее, отсоединить звезду от постели Маришки.

Мужчина просто, без труда, скрутил Тоя и вытолкнул в коридор. Кто же он, раз позволяет себе так грубо обращаться со звездой? Гримми была так признательна здоровяку, что чуть не заплотировала. Даже не поругав нас – а ругать она нас любила, даже когда было не за что – она вышла в коридор.

– Откуда этот громила взялся? – сердито фыркнула Маришка.

Не выдержав, горничные рассмеялись. А я задумалась.

Гримми говорила, сегодня приедут гости нового владельца. Один из гостей – Той Ильмонг, другой – некий Ветров, простой с виду, но явно непростой по сути. Кем же тогда приходится третий, бледный принц из зоны? Уж не владелец ли он?

С прибытием звезды по имени Той многие в особняке начали сходить с ума. Все знали, что астранец чрезвычайно любвеобилен и, что не менее важно, щедр, поэтому каждая уважающая себя фанатка поставила себе целью заарканить артиста.

Гримми зверствовала, пытаясь приструнить фанаток, но ничего у нее не выходило.

Девы желали урвать немного внимания от кудрявой знаменитости, а знаменитость проводила вечера вне владения, по слухам, в компании распутных девок.

Другой важный гость. Ветров, куда-то уезжал с утра и возвращался поздно, уставший, замерзший, но довольный.

О владельце ничего не было слышно. Бывшая владелица, которой разрешили остаться в особняке, не покидала своих покоев, предаваясь меланхолии.

Центаврианская охрана и настройщики бились над серьезной проблемой: их навороченные приборы, системы, и прочие штучки не работали, а если и работали, то со сбоями.

Ладно хоть кары, наземные и аэро, снегоходы, простые роботы работали. И все равно центавриане поджимали губы и называли нашу планету «дикой», «примитивной» и «холодной».

Они-то предпочитали жить только на планетах с комфортным климатом, в домах, где все автоматизировано.

Наши парни из охраны только посмеивались.

А я... Я так и не сказала никому в особняке, что лишилась аэрокара. Не смогла признаться. Ник, шофер, несколько раз спрашивал, почему я больше не летаю и не загоняю аэрокар в гараж. Я отвечала, что он все еще на диагностике в Ферисголде, и клеила на лицо улыбку.

Деньги за не пригодившиеся гараж и аренду в Иринве мне должны были перевести только в следующем

месяце — переводы сумм контролировались. Так что, квартиру я снять не могла. Мне нужно

было закрепиться на работе, задобрить Гримми, чтобы было, где жить, и что есть, пока не

решатся вопросы с деньгами.

Вся надежда была на прием в честь нового владельца, где я хотела показать

Гримми, что

являюсь очень полезной. Праздник планировалось провести позже, а пока что дело ограничилось гостями и поздравлениями избранных.

▲Повар Гу и его свора помощников наготовили дивных яств, главную залу

вычистили-выдраили-

украсили, прислугу приодели наряднее. Территорию патрулировала охрана — наша и

центаврианская, подъездная дорожка была забита наземными карами, а аэро-площадка

—

аэрокарами.

Энгорская зная собралась в зале.

Я уже пару раз работала на таких приемах и знала, что моя главная задача — быть расторопной

и незаметной. Я лавировала по зале, огибая столы, фонтанчики с шоколадом и шампанским,

столики с закусками, держала на лице улыбку и присматривала за Несси, новенькой.

Она сильно нервничала. Улучив момент, я подошла к ней вместе с подносом, на котором

оставалось три бокала шампанского.

— Спокойно, не трясись. И отлепись уже от стенки.

— Гримми меня убьет... Я разбила бокалы...

— Пустяк.

— Регин, — Несси поглядела на меня глазами страдальцы. — У меня пульс скачет и живот

прихватывает. Так много людей... я сейчас задохнусь.

— А ну-ка идем, — я повела ее за собой, продолжая улыбаться. Понятны причины ее волнения:

первый раз прислуживает на приеме, да еще и титулованным ослам. Страшно! Не угодишь, и

схлопочешь неприятности. Выскользнув незаметно из залы, мы свернули в закуток.

— Пей.

— Ты что? Это для гостей!

— Несси, не смейся, — для примера я и сама осушила один бокал.

Девушка собралась с духом и попробовала шампанское. Сделала она это с таким видом, будто

пробует яд.

— До дна, — потребовала я.

— А если опьянею?

— От одного бокала тебе ничего не будет. Зато нервы придут в порядок, повеселеешь,

зарумянишься, перестанешь бить посуду.

Несси осушила бокал и призналась скромно:

— Вкусненько.

— Ну и ребенок ты.

Подбодрив горничную, я вернулась в залу. На возвышение в центр вышла Элайза, бывшая

владельница.

Мне стало тоскливо. Не сказать, что она была любима народом... Капризная нервная женщина

и сама пришла к власти со скандалом. Но она была нашей, ангорской. И, к тому же, в эо-

поединках ее не могли уделать лучшие психокинетики.

Ей сейчас что-то около ста двадцати лет – возраст зрелости по меркам младшей расы. За

последние годы она похудела, черты ее лица заострились. Зона деструкции добралась и до

Дарнского владения, заняла часть лесов. Владетельница ничего не смогла с этим сделать,

начала сдавать позиции. И пить.

Элайза попросила внимания и начала говорить о Дарне, об его особенностях. Речь была

стандартная – я вас люблю, я для вас старалась, но я приняла тяжелое решение, бла-бла-бла...

Затем наступил исторический момент – Элайза представила нового владетеля, Гоина Малейва.

На возвышение ступил высокий мужчина в темно-сером костюме. Строгий фасон, из украшений только прозрачный кристалл-накопитель на воротнике. Но что костюм? В каком бы

виде он не явился, все равно привлек бы внимание белоснежными волосами. Издали я не

разглядела его лица, но даже издалека оно поражало бледностью.

По зале пошел шепот: «альбинос».

Мои догадки были верны: «светлый» из зоны и есть наш новый владетель. И какой необычный!

Центавриане безупречны, а этот, наверное, купил титул, чтобы избавиться от комплексов. Вряд

ли в Центаврианской Федерации альбинос мог чувствовать себя уютно. У них там даже

крошечное отклонение от нормы – дефект.

Альбинос тоже заговорил, и тоже стандартно. Обещался беречь землю дарнскую, помогать

своим подданным и защищать их, и много чего еще. Сказал, что будет по возможности уважать

наши традиции. Окончание его речи я не услышала – меня отвлекли. Зато знать его поддержала аплодисментами. Прозвучало: «Блага владетелю!»

Я, естественно, блага ему не пожелала.

▲Альбинос повел Элайзу к столу. Гости стали пить и болтать активнее, некоторые начали

подходить к столу экс-и нынешнего владетелей, выказывать свое почтение и подлизываться.

Снуя у столов, я мотала на ус обрывки фраз.

– ...Говорят, он банкир.

– ...Сколько ему лет?

– ... Вряд ли у него есть эо.

– ... Он кажется больным.

– ... Не сдержит зону...

– ... Малейв – влиятельный Род в ЦФ...

– ...Он холост!

Не удержавшись, я хмыкнула. Не представляю, как надо любить деньги, чтобы захотеть в

мужья centa, да еще такого вида.

Но я недооценивала любовь некоторых дам к деньгам, а также их тягу к странному.

У шоколадного фонтанчика собралась стайка барышень из Легесса. Внешне девушки

полностью соответствовали требованиям традиций Энгора: платья длинные, волосы собраны, макияж скромный, на шейках, ручках и пальчиках драгоценные побрякушки. Чтобы сразу видно было – это светлейшая, а не простая девка, пробравшаяся на прием. Наши барышни тоже распустили перышки, но уступали веронийским гостям. У тех и прически были затейливее, и лица интереснее. Из других владений гостей явилось мало, и это не удивительно: Элайза со многими рассорилась. Играла музыка, звучал смех. Гости следили за владельцем, а я следила за гостями. Этому подлечь, тому добавки, а вон той стало плохо, надо воды... Утомление проявилось не сразу, подкралось незаметно, легкой дрожью в руках. Хорошо, что прибирать в зале потом будут другие горничные.

Я брела с пустым подносом по коридору, когда заметила Несси в укромном местечке за вазой с цветами. Она давилась слезами. Я раздосадованно вздохнула. Звезды, что за нюня! Плачет по любому поводу, шугается парней из охраны, и даже ходит, сжавшись, как будто опасается удара. Как она вообще дожила с таким характером?

– Несс, что случилось?

– Я... разбила...

– Еще один бокал? – участливо спросила я.

– Буты-ы-ылку...

– Ну и что? Со всеми бывает. Я вот на работа села как-то, раздавила.

– Ая... перед владельцем... У-уронила... Брызги... На него попало.

Я усмехнулась:

– Так ему и надо. Пусть еще радуется, что его сегодня не вызвали на поединок. Несси вдруг перестала завывать и уставилась в мою сторону испуганно.

– Так-так.

Я обернулась.

Гримми. Руки на груди, глаза-ледышки.

– Что с тобой не так, Ванесса? Ноги ватные, руки дрожат! Весь вечер посуду бьешь, позоришь нас! Тебе всего-то надо было Томасу бутылку подать, а ты и в этом оплошала! Несси вжалась в угол.

– Да бросьте вы ругаться, первый раз на приеме, – улыбнулась я. – Понервничала девочка, распереживалась перед новым владельцем.

– А ты, я смотрю, не переживаешь, – хмыкнула Гримми. – Летаешь по зале, как с моторчиком, улыбаешься. Раньше так прилежно никогда не работала.

– Я исправилась, – моя улыбка стала шире.

– Тогда помоги Томасу. Вместо Ванессы.

– И помогу, – согласилась я.

– И помоги!

Я подошла к возвышению, обогнула его сзади, чтобы не показываться владельцу и его свите, и шмыгнула к Томасу – одному из немногих служащих в особняке, которого Гримми уважает и

которому доверяет важную работу.

— Я вместо Несси. Что-то нужно?

▲— Пока нет.

За столом к нынешнему и экс-владельнице присоединились некоторые гости.

Немолодую

подругу Элайзы я часто видала в особняке, а вот двое других гостей были мне интересны.

Темноволосый Ветров оделся просто, пожалуй, даже очень просто. Джинсы и рубашка — не

самый лучший выбор для приема.

Крупный, с грубоватыми чертами, он больше работягу напоминал, чем человека высокого

положения. Какой же он все-таки расы? Похож на землянина, но может быть и орионцем, у тех

иногда тоже черноволосые рождаются.

Той Ильмонг, наоборот, выбрал слишком экстравагантный наряд: оделся в золотое и облегающее, губы и брови выделил черным, а волосы так залил лаком, что они казались

искусственными. Как ни странно, такой наряд его в клоуна не превратил, а только подчеркнул

экзотичную красоту.

— Регина, — склонился ко мне Томас, — не пялься на гостей.

— Ты об этом чуде-юде? — я кивнула в сторону Ильмонга.

— Регина!

— Все-все!

Томас подливал господам вино, вручал мне пустые тарелки. Когда я была у стола, прислушивалась к разговорам светлейших. Увы, они мало говорили на русском. В Центаврианской Федерации сложные наречия, и оттого очень модно уметь говорить хотя бы на

одном их наречии. Элайза и ее подруга явно испытывали сложности, но продолжали мучить

себя и собеседников.

Я посмеивалась про себя и поглядывала на альбиноса.

В зоне на глазах его были линзы, а волосы были светло-золотистыми. Сейчас же он предстал

«обесцвеченным».

Идеально-белый, выветренный самой природой цент. Наш новый владелец. Ха... владелец.

Выжмет деньги из Дарна и свалит. Знаем мы этих центавриан.

Я вертелась около стола так, чтобы всегда оставаться в тени, и опускала голову.

Но я зря

волновалась, что «принцы из зоны» меня узнают — на прислугу обычно внимания не обращают. С Томасом мы хорошо сработались, все шло хорошо.

Но так хорошо не могло быть весь вечер.

Телохранитель-цент подвел к столу Элеонору. Точнее, тетю Нору. Я не столько испугалась,

сколько восхитилась. Вот это женщина! Как ей удастся раз за разом сбегать? И не просто

сбегать, а еще и попадать в хорошо охраняемые места?

— Значит, ты, поганка бледная, Дарн купил? — уперев руки в бока, спросила тетя Нора у владельца.

Глава 3

На какое-то мгновение все впали в ступор от изумления. Оскорбленный владетель вызовет на

эо-поединок, а вот оскорбленный цент убьет сразу. Или прикажет убить.

Первым опомнился охранник:

– Увести?

– Нет, – ответил альбинос, с интересом разглядывая старушку.

Нора вскинула подбородок.

– Светлейший, – встряла Элайза. – Не обращайтесь внимания, эта женщина больна и проходит

лечение. Она не в себе!

– А ты молчи, пьянь, – осадил ее «больная». – Предательницам слова не давали.

Бывшая владельница машинально потянулась к бокалу. Сделав несколько жадных глотков,

она с волнением посмотрела на альбиноса.

– То, что эта женщина не в себе, я понимаю. А вот чего я не понимаю, – голос альбиноса

приобрел угрожающие интонации, – это то, как она сюда проникла.

– Я, чай, не дура. Любую охрану пройду.

– Рад за вас, сударыня. От меня вы чего хотите?

– На поединок вызвать.

▲– Она не осознает, что говорит! Уведите ее! – снова встряла Элайза.

– При всем уважении, это отныне моя подданная, и только мне решать ее судьбу, – владетель

даже не повернулся к Элайзе, он смотрел на тетю Нору. – Значит, вы хотите вызвать меня на

эо-поединок?

– А что ж делать, раз больше ни у кого смелости не хватает? Дарн скатился.

Раньше сюда

всякая чухня нос сунуть боялась.

– Нора гневно погрозила пальцем одному из гостей. – Столько мужиков в зале, а против

узурпатора идет сражаться старуха!

В следующие две секунды произошло следующее. Телохранитель взял тетю Нору за плечо.

Телохранитель полетел в сторону. Тетя Нора пошла к альбиносу.

О, нет! Сейчас ее убьют или, что хуже, она успеет ударить по владетелю эо, и тогда всем нам

крышка. Я приготовилась к апокалипсису местного масштаба...

Тетя Нора споткнулась и упала. Это заставило ее почувствовать себя неловко, а неловкость –

это прерогатива Элеоноры.

Грозная сторона личности уступила миролюбивой.

У-ф-ф! Апокалипсис отменяется.

Элеонору быстро окружили телохранители и некоторые из гостей. Я вернулась к Томасу,

продолжая следить за бывшей соседкой. Представляю, какой ужас она сейчас испытывает:

очнувшись в зале, на полу, кончики пальцев жжет от применения эо, а вокруг все носятся

испуганные.

Альбинос поднялся, призвал гостей к спокойствию и приказал оказать Элеоноре

помощь. Тихо,
не производя шума, центавриане увели несчастную старушку. Томас, как ни в чем не бывало,
продолжил подливать шампанское и давать мне указания.
А я все думала про тетю Нору. Если бы она не споткнулась в решающий момент и не упала бы
на пол, то дело могло бы кончиться плачевно. Телохранители бы ее ликвидировали, и все. Чудо,
что они этого не сделали, когда она отбросила одного из них в сторону силой эо. Я наострила уши, когда здоровяк Кеша спросил у Элайзы:
– Светлейшая, позвольте задать вам вопрос. Эта женщина, что пыталась вызвать владетеля на поединок, младшей расы.
Но уровень эо у нее, как у старшей.
– Планета Энгор – особенная. Долгое время ступать на нашу землю запрещалось всем, кроме просветленных лирианцев.
Но когда спящие начали атаку, и некоторые из лирианских воинов выделились в борьбе с ними,
было принято решение вознаградить их – подарить землю на Энгоре. Так наша планета была
поделена на владения, а их владельцы стали называться «светлейшими». Шло время. Земляне
начали освоение межзвездного пространства и прибыли на Энгор.
Большая часть первопроходцев осталась жить здесь. Началось смешение рас. Так что, любой
энгорец в этом зале может оказаться таким же сильным психокинетиком, как и первые владельцы.
– Благодарю вас за ответ, светлейшая.
– Я не светлейшая больше, а предательница. Народ никогда не простит меня.
– Не забивайте голову такими глупостями, – сказал альбинос. – Вы приняли единственно
правильное решение. А мнение большинства... Чтобы эффективно управлять владением, нужно
полагаться не на мнение необразованного большинства, и тем более не на устаревшие
традиции. Я не вызывал вас на поединок, как того требуют ваши обычаи. Но меня всегда
интересовала природа эо, психической энергии. А ваша планета в этом плане просто находка.
– Находка? Зона деструкции распространяется по владению, все ближе подбирается к городам.
Техника не работает, люди умирают, внезапно, без причины.
– Причина есть. Это явление мы называем «синдромом внезапной смерти», – произнес Ветров. – Ему подвержены не только люди с Энгора.
– Но только у нас так много смертей. Особенно у эо-одаренных.
– Исследования показывают, – очень оживился ученый, – что умирают не просто эо-одаренные, а психокинетики. Между этими понятиями огромная разница.
– Простите, не очень понимаю.
♣— Охотно объясню. Эо обладают все люди, но уровень силы у каждого разный. Тот, у кого эо-уровень низкий, не способен к психокинезу. Люди с уровнем эо выше – способны. Их мы и

зовем психокинетиками.

Той Ильмонг страдальчески вздохнул и повернулся к Элайзе:

– Светлейшая, лучше говорите со мной, не слушайте одержимого.

– Кого? – не поняла Элайза.

– Этого! – указав на здоровяка, ответил апранец. – Он озабоченный, думает только про свои

исследования. Дайте ему волю поболтать, так потом не заткнете.

Я по-новому взглянула на Ветрова. Надо же, он, оказывается, ученый. А с виду и не скажешь.

Скорее, фермера напоминает, с такими-то плечищами.

– Значит, – протянула Элайза, – я действительно не ошиблась, продав владение вам,

светлейший.

– Для вас я просто Гоин, – улыбнулся альбинос.

– Гоин... я надеюсь, вы найдете способ сдержать зону. Потому что я не нашла. Я знаю только

одно – зона опасна и непредсказуема, даже лирианцы не могут понять, как ее сдержать. Все

чаще замечают яркие сгустки энергии в зоне, которые нападают, если приближаешься.

– Вы сами их видели? – подобрался Ветров. – Какого они размера? Они испускают сияние?

– Господа, это неприлично – говорить о таких скучных материях! – высказался Той и вышел

из-за стола к гостям. При этом внимание многих барышень в зале сразу переключилось на него.

Все стали подтягиваться ближе к артисту.

Светлейшие же продолжили разговор о зоне, сгустках энергии и прочих интересных вещах, но

Томас велел мне нести десерт. Пришлось на некоторое время отойти. Когда я вернулась,

Ветрова уже не было за столом, и господа говорили о другом:

– ...Я хотела бы вас поблагодарить, Гоин. За то, что вы не отменили весенний Отбор. Видите

ли, Отбор – это самая красивая наша традиция, самая волшебная. Молодые люди находят друг

друга, показывают свои способности, заключают браки... так важно, чтобы в этих браках

рождались новые поколения эо-одаренных!

– Несомненно, это важно. Но я первую очередь преследовал свои интересы, – проговорил

альбинос загадочно.

– Что вы имеете в виду?

– Мне нужна невеста особых кровей. Женщина, щедро одаренная эо, с лучшими чертами

старших и младших рас. Самые способные, удивительные люди – метисы. У вас на Энгоре

таких много.

– Вы хотите жениться на одной из наших девушек? – от изумления Элайза опрокинула стакан на рукав своей не менее изумленной подружки. Томас сразу же подал ей салфетки.

– Да.

Настала моя очередь изумляться. Центавриане – консервативные снобы. Почти все вопросы в

семье решает Род, мнением младшего поколения семейства никто не интересуется. Особенно, если Род влиятельный.

– Простите, Гоин, но разве ваш Род не подобрал вам жену?

– Я не завишу от Рода, а центаврианки меня не интересуют. Мне нужна женщина с характером

попроще, которой можно легко управлять.

Элайза сдержанно улыбнулась:

– А у нас на Энгоре, супруга – это партнерша, которую мужчина выбирает, чтобы вместе с

ней пройти жизненный путь.

Может, у нас вы встретите девушку, которая завладеет вашим сердцем?

Альбинос как-то странно посмотрел на светлейшую.

– Что вы имеете в виду?

– Вы можете влюбиться в одну из наших девушек.

– Я полагал, вы разумнее, сударыня.

– Что вы имеете в виду? – продублировала вопрос альбиноса Элайза.

– Вы действительно верите, что такой человек, как я, способен влюбиться? Да еще и в девушку

с вашей планеты?

Вот тогда-то Элайза потеряла дар речи. Ей, воспитанной в убеждениях, что все энгорки –

особенные, стало не по себе. Мягко говоря.

♣– Да, верю, светлейший, – с опозданием ответила она. – Вы человек, а люди уступают чувствам.

– Либо люди управляют своими чувствами, либо чувства управляют людьми. Ко мне применимо первое, – ответил невозмутимо Гоин и пригубил шампанского. При мне уже четвертый бокал пьет, и ничего!

«Точно отмороженный, – подумала я. – На него даже веронийская выпивка не действует».

– Не будьте так самоуверенны. Любовь всегда сильнее человека.

– То, что вы называете любовью – это инстинкты и гормоны. Гормоны не управляют мной,

даже когда я был подростком.

Новый владетель отвечал медленно и даже чуть утомленно, как будто много раз уже объяснял

подобные вещи.

– Правильно ли я понимаю: от супруги вам нужны только способности?

– Как и ей от меня будут нужны только деньги. И это прекрасный расклад.

Элайза покачала головой:

– Гоин, вы не брак хотите, а сделку. Наши девушки душевные, ни одна на брак по расчету не

согласится.

– Если не согласятся девушки, которые верят в романтическую дребедень, согласятся

женщины постарше. Те, которые понимают, что выгода, закрепленная контрактом, предпочтительнее «чувств».

Элайза сверкнула глазами. Влюбчивая по натуре, она не могла не принять эти слова на свой

счет. Но сказать ничего не успела – ее опередила подруга:

– Мне вас жаль! Вы все мерите выгодой. Должно быть, случилось в вашей жизни что-то

ужасное, отчего вы стали отрицать самое светлое, что есть у людей – любовь.

Центаврианин обратил свое внимание на подругу Элайзы, окинул ее возмутительно внимательным взглядом. И, наклонившись к ней, произнес сухо:

– Мать хотела оставить меня в клинике, Глава Рода отказывался принимать, потому что я

родился альбиносом, и опозорил семью своим несовершенством. Мне приходилось во всем

стараться в пять раз усерднее, чем остальным детям, и все равно я оставался уродом для своих

родителей. Да и сейчас я урод для многих. Это подходит под ужасное?

Подруга Элайзы покраснела от смущения и выдавила:

– Мне... так жаль...

Центаврианин, оглядев женщину, произнес мягко:

– Я солгал, но мои слова вас сильно взволновали. Сколько вам лет, сударыня? Сто, сто

двадцать? Многовато для младшей, жаль. Мне именно такая нужна, как вы: управляемая.

– Светлейший! – проронила Элайза, которая не разъярилась только потому, что весь вечер

попивала веронийское. – Это уже оскорбление.

– Это факт, сударыня. Как и тот факт, что мой бокал пуст.

Томас сразу кинулся исправлять свою оплошность. Правда, он слишком поторопился, и

бутылка выскользнула из его рук. Я ее поймала, бросившись вперед так стремительно, и

наклонившись так низко, что оказалась между Элайзой и владельцем.

Альбинос на меня посмотрел, и, конечно, вспомнил. Такие всех и все помнят.

Я отошла, отдав бутылку Томасу. Скакнула вперед, как коза горная... Надо было оставаться на

месте. А теперь думай-гадай, узнал он меня или нет. Хотя, если узнал, какое ему дело до

обычной девки?

Я была как на иголках до конца приема. Старалась больше к столу не приближаться и

разговоры не подслушивать.

Успокаивало только то, что удалось спасти бутылку дорогого веронийского. Вторую битую нам

бы Гримми точно не простила.

Когда владелец поблагодарил всех за то, что пришли, и они с Элайзой покинули залу, я

вздохнула спокойнее. Той Ильмонг увел одну из легесских барышень из залы, наверняка, чтобы

предаться разврату. Ветров, ученый, тоже удалился.

Гости стали расходиться, зала пустела.

Когда последняя парочка вышла, на смену прислуживающему персоналу явился персонал

убирающий. Мы с Томасом расслабились и пошли к выходу. Там нас и настигла ведьма Гримми...

– Томас, спасибо, отдыхай, – скороговоркой сказала управляющая.

♣Только мужчина отошел, как меня схватили за ухо и потянули.

– Что ты устроила, Жарковская?

– Ай! Гримми, ты чего?

– Ты напоила Ванессу, чтобы заменить ее, а сама стала соблазнять владельца! Ни стыда, ни совести!

– Что? Соблазняла? Гримми, да ты никак свихнулась!
– Сейчас охрану вызову, пусть вышвырнут тебя! Хватит, натерпелась я от вас с Маришкой!

– Я вообще-то только поймала бутылку!

– Бесстыдница!

Гримми повела меня в коридор, не отпуская уха. Я шипела и брыкалась, но безуспешно: у

Ведьмы отличный опыт таскания за уши, и стальная хватка. Нам навстречу вышли двое

центавриан из охраны.

– Нам нужна горничная, которая прислуживала владельцу, – сказал один.

– Так вот же она, – указал на меня другой. – Можете отпустить ее. Мы сами сопроводим ее, куда следует.

– А куда? – насторожилась управляющая.

– Куда следует, – повторил цент.

Гримми пришлось меня отпустить.

– Бешеная! – бросила я, отходя от управляющей. – Прежде чем таскать людей за уши, надо

подумать – заслужили ли они!

– Вышвырну!

– Вышвыривай, вышвыривай ценные кадры! Только потом не жалуйся, что остались одни

овцы бесхребетные, бьющие посуду!

– Неблагодарная!

– Грымза!

Центавриане повели меня. Я молча кипела возмущением. Оказывается, я соблазняла владельца?

Я? Да как только эта карга могла такое ляпнуть!

Чем дальше мы отходили от Гримми, тем быстрее я остывала. И, остыв, поняла, что опять

погорячилась.

Горячий нрав был источником всех моих проблем. Родителям мои воспитатели и учителя

говорили одно и то же – у вас проблемный ребенок, конфликтный. А папка радовался, что я

вместо сидения за учебниками копаюсь в машинах, лазаю по деревьям, и за словом в карман не

лезу. Правда, даже его расстраивало, когда я дралась с соседскими мальчишками.

Мама

вздыхала, и говорила, что я должна вести себя, как подобает барышне из хорошего рода.

Барышня... из хорошего рода...

Мы лишились титула, потеряли право зваться светлейшими, поменяли владение, присягнули

Элайзе. Но у нас оставался старый отцовский дом в Дарне. Какое-то время мы прожили тихо-

счастливо, а потом родители ушли. Как и многих в нашем роду, их постигла внезапная смерть

во цвете лет. Если бы они знали, что дом снесли! При жизни они старались, чтобы у меня все

было, и просили – Регина, учись хорошо. Регина, не забудь про Отбор. Регина, верни

Жарковским титул.

Титул... Мне бы хоть квартиру снять!

Между тем мы поднялись на этаж, где находились покои будущих и прошлых владетелей. Меня

подвели к покоям бывшего владетеля, почившего мужа Элайзы, и открыли дверь.

Когда я вошла внутрь, то словно в прошлое перенеслась. Покои были обставлены по старой

моды, так, чтобы подчеркнуть — здесь обитает психокинетик. Все в оттенках эо: белых и

фиолетовых тонах. Люстра — гроздь искусственных кристаллов на потолке, столики плоские

и круглые, да и вся мебель округлая, гладкая, низкая.

Владетель вышел из смежной комнаты, кивнул охране, и те оставили нас вдвоем.

Я опустила голову в знак уважения.

— Проходи, присаживайся.

Какой интересный голос — мужественный, и в то же время очень мягкий. Я опустилась на

ближайший диванчик, не глядя.

Что-то пихнуло меня в бок и заверещало. Я тоже чуть не заверещала от неожиданности. Белый

комочек шерсти размером с кошку скатился с дивана и, перебирая несколькими парами лапок,

подбежал к центру.

♣Мужчина поднял зверька, и тот сразу же обхватил его лапками за шею, прижался всем телом.

— Обидела.

Владетель молчал. Значит, его мужественно-мягким голосом говорил этот зверек?

— Мелок на тебя обиделся, — сказал альбинос, подтверждая мою догадку. — Не надо было на

него садиться. Хочешь погладить его, загладить вину?

— А он не укусит?

— Мелок хороший, — обиженно протянул зверек.

Я восторженно вздохнула. Говорящее животное!

— Это понги, — объяснил центаврианин. — Маленькое, но умное создание. Любит ласку.

Я подошла, ничего не видя, кроме понги. Осторожно коснулась шерстки — мягкой и длинной,

кое-где спутанной. Ушки маленькие, лапок шесть, каждая оканчивается острыми коготками.

Кажется, они, как у кошек, втягиваются.

— Обидела, — обиженно повторил Мелок, не поворачивая ко мне мордочки.

— Прости-и-и, Мелок, — нежно-нежно проговорила я.

Мелок или застеснялся (если животные вообще стесняются), или просто ему надоело висеть на

шее альбиноса, и он быстро слез с него, побежал по полу, скрылся под одним из столиков.

И вот тогда-то я поняла, что это был отвлекающий маневр.

Альбинос просто приманил меня к себе поближе! И теперь рассматривал, как еще одного

зверька, сверху вниз. Любопытно: когда мужчина находится строго напротив, его глаза кажутся

просто светло-серыми. Стоит же немного поменять угол обзора, как они приобретают красный

оттенок. А как ярко проступает рисунок радужки!

Чем больше я приглядывалась, тем очевиднее становилось — с альбиносом что-то не

так.

Подрагивают пальцы, взгляд мутный — так старшие выглядят, когда напиваются.

Все-таки

подействовала на него веронийская выпивка.

— Ты прислуживала мне.

— Да, светлейший.

— Послужи еще. — Владелец протянул руку и коснулся моего лица.

Я отшатнулась и спросила резко:

— Что вы делаете?

— Вчера ты себя предлагала. А сегодня я не настроен на игры. — Он снова

попытался меня

коснуться.

В голове зашумело. Внутренности завязались в угол, а тело напряглось до боли. Я словно на

тринадцать лет назад вернулась — мною овладело то же отупение, и страх.

Мелькнула мысль

«Еще раз я не допущу!»

Тогда я размахнулась и влепила пощечину. Плевать, кто он — владелец, банкир, совершенно

плевать. Ни один мужик меня против воли не тронет.

Центаврианин почему-то упал.

Я посмотрела на свою руку и ощутила жгучую пульсацию на кончиках пальцев. Эо!

Больше

десяти лет не пользовалась эо, а сегодня, то ли от страха, то ли от возмущения, приложила всей

скопившейся силой нового владельца.

Сделав шаг назад, я ударилась ногой о диванчик. Меня начало трясти. А что, если я его

прикончила? Качнула головой — нет, такого быть не может. Или может?

Я села на диванчик; превратившиеся в желе ноги плохо держали. В голове настал полный

сумбур. Не паниковать! Только не паниковать. Сейчас что-то придумаю. А сначала нужно

подышать.

Как успокоилось мое дыхание, так успокоилась и я, осмелела до того, что

посмотрела на

альбиноса. Он пришел в себя, быстро, как и полагается старшему. Приподнялся, поморщился,

но меня как будто и не увидел. Уставился в одну точку, в стену. Взгляд у него стал неживой, и

тяжелый, как плита. Такими же тяжелыми камнями упали слова:

— Токай се. Тце токай.

Это на центаврианском?

Я вздрогнула, когда альбинос рассмеялся, сухо и страшно, как будто внутри что-то ломалось.

Что с ним? Он сам по себе такой, или после моего удара у него в голове

помутилось?

«Все, Регина, хватит на него тарашиться. Скажи андроидам, что владелец сошел с ума». Я

тихонечко, осторожненько пошла к двери, чтобы, не допустить Звезды, цент меня не заметил в

таком состоянии.

♠Начала открывать дверь...

— Стой.

«Заметил!» Я обернулась, и с немалым облегчением отметила, что мужчина пришел в себя, по-настоящему пришел в себя.

Потирая тонкими пальцами след от моего удара, он произнес так, будто читал приговор:

– Ты ударила меня, продажная девка.

Продажная девка, надо же... И кто только наплел ему такое? Меня вдруг озарила догадка.

– Вам вчера Марина прислуживала? Темноволосая кудрявая девушка? Наверное, ваши олухи

напутали. Я Регина, а не Марина. Мы похожи.

Владелец посмотрел на меня внимательнее. И даже сидя на полу умудрился сделать это свысока.

– Где я тебя видел?

Я обиделась. Какая женщина захочет принять тот факт, что ее можно с кем-то спутать? К тому

же, Маришка – брюнетка, а я каштановой масти.

– Барышня из зоны? – вспомнил он.

– Я не барышня.

Альбинос усмехнулся, снова потер виски. Надо же, как хорошо у него заработали мозги после

помутнения рассудка. Что тут скажешь – старшая раса.

– Аэрокар был твоим?

– Да.

– Такой стоит больших денег. Откуда столько у горничной?

– Компенсация за снесенный дом.

– Ты потратила компенсацию на аэрокар? – он удивился так, что, должно быть, протрезвел

окончательно. – Почему не взяла квартиру в городе?

Я пожала плечами. Аэрокар – это мечта, а что центы смыслят в мечтах? Ему не объяснишь, что

такое душевный порыв.

– Не самое лучшее вложение, – протянул мужчина. – Да и страховка не покроет стоимости

кара. Ты в убытке.

– Ну, что ж? Кто без долгов, а кто бестолков.

Альбинос рассмеялся, и я расслабилась – вот сейчас он точно в порядке. Доберется до своей

постели, и сладко выпится, чтобы завтра снова быть бесчувственным засранцем.

Может, мне

попытаться свалить до того, как его голову посетит мысль о моем наказании?

– Если у вас больше не будет указаний, светлейший, я пойду.

– Указания есть.

Потерев многозначительно след от моей пятерни на лице, альбинос задумался. Сто пудов ищет

какой-то мерзкий способ наказать меня за то, что посмела поднять руку на него – высокородного центаврианина.

«А чего ты ожидала? – спросила я у самой себя. – Что он посмеется над этим недоразумением

и отпустит тебя просто так?

Это цент, а центы все коварны, бездушны и отморожены». Я морально приготовилась к

вердикту.

– Мне нужна личная служанка, горничная – так у вас это называется? И ты мне подходишь.

Я ослышалась? Не может он такое сказать. Я же ударила его, со всей силы ударила, вложив эо.

Это – покушение на жизнь, за такое отправляют в колонии или даже казнят.

– Мне нужно подумать, светлейший, – голос мой звучал удивленно. Я не верила владельцу, и смотрела на него во все глаза.

– Думать – это не твоя сильная сторона.

– А вам лучше не пить! – огрызнулась я.

– Вот и будешь приглядывать за мной. Будить по утрам, приносить завтрак и ужин, следить за порядком в покоях, присматривать за Мелком. И, естественно, выполнять мелкие поручения.

Центаврианин – даже про себя я не могла называть его по имени – поднялся, сел на диван, откинулся на спинке. Откуда-то снизу по обшивке вскарабкался Мелок и устроился на животе своего хозяина, что-то заговорил по-центавриански.

Я все еще не верила словам владельца. В горле стало слишком сухо, и мне пришлось прокашляться, чтобы сказать осторожно:

▲– Судя по требованиям, вам нужен камердинер, а не горничная. Рекомендую Томаса – он сегодня вам за столом прислуживал.

– Я уже сделал выбор, – владелец обвел взглядом мою фигуру, и я испытала удушливое, неприятное чувство.

– Я не буду спать с вами!

– И я не хочу спать с тобой, – проговорил мужчина, и я заметила, что в глазах у него нет вождения. – У тебя нездоровая женская энергия.

«А раньше ты этого не заметил, цент?»

– Я не стану тебя наказывать, – продолжил владелец, поглаживая Мелка по спинке, – очевидно, что мои люди ошиблись.

Как, говоришь, тебя зовут? Полина? Марина?

– Регина.

– Какие вы все одинаковые... Останешься просто горничной.

– Не останусь.

– Почему?

– Да потому что... – я привыкла говорить людям то, что думаю, и этот раз не стал исключением, – не хочу. Я не хочу быть вашей горничной.

– Это твое окончательное решение?

– Да.

Владелец развел руками и вздохнул, якобы сожалея.

– Ну, раз так, иди.

Я подошла к двери и взялась за ручку.

– ...Завтра в девять утра ты должна быть здесь. Охрана тебя пропустит.

– Но я же не согласилась!

– Ты отказалась стать горничной и получать за это хорошие деньги и хорошее отношение. Так что я приказываю тебе стать моей горничной. С сохранением низкой зарплаты. Я обернулась.

– Приказываете? Да вы кто та.

Черт. он мой владетель.

– Девять утра, горничная. Не опаздывай.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/gornichnaya-osobyh-krovei-b59511>

